

Глава 3. Кто ты мне такой?

Линь Юй сухо оттолкнул Гу Цзицина. Подняв с пола валявшуюся у кровати рубашку, он быстро натянул её и бросил:

— Мне пора, скоро лекция. Общайтесь.

— Милый, возвращайся пораньше к обеду! Я приготовлю что-нибудь вкусненькое и буду ждать!
— нарочито приторным, капризным голоском пропел ему в спину Гу Цзицин.

Линь Юя передёрнуло от этого приступа фальшивой нежности, а по спине пробежала волна колючих мурашек.

Линь Юй ожидал, что Цяо Инь сейчас вскипит от боли и ревности, но, бросив на него мимолётный взгляд, с удивлением заметил, как мужчина смягчился в лице. Он едва заметно улыбнулся...

Стоило Линь Юю скрыться за порогом, как дружелюбная маска мгновенно слетела с лица Гу Цзицина. Он попытался захлопнуть дверь прямо перед носом незваного гостя.

Цяо Инь среагировал молниеносно: упёрся одной рукой в косяк, а ладонью другой навалился на ствол двери.

— Цзицин, нам нужно поговорить, — глухо произнёс он.

— Поговорить? И о чём же? Сам ведь всё видел: у меня другая жизнь, новый мужчина. Так что извини. Хотя, если честно, мне даже извиняться не за что. Ты для меня уже сто лет как пустое место.

Гу Цзицин небрежно махнул рукой и с силой захлопнул дверь. На этот раз Цяо Инь мешать не стал.

Выйдя от друга, Линь Юй заскочил домой переодеться и лишь после этого не спеша направился в университет. Застегнул рубашку на все пуговицы, аккуратно уложил волосы, водрузил на переносицу очки в тонкой золотой оправе — и вот перед зеркалом снова стоял безупречный джентльмен, за лоском которого скрывался порядочный мерзавец.

Едва Линь Юй переступил порог аудитории, как он заметил сидящего за первой партой Е Минчэня. Парень чуть склонил голову набок и тепло улыбнулся преподавателю. В его глазах светилось то же искреннее почтение и восхищение, что и у остальных студентов.

Вообще-то Линь Юй отличался феноменальной толстокожестью — Гу Цзицин всегда

утверждал, что в искусстве притворяться тому нет равных. Однако после вчерашнего ночного инцидента, свидетелем которого невольно стал этот парень, ловить на себе такой чистый, благоговейный взгляд было неловко. Преподаватель даже слегка покраснел.

Лекции Линь Юя пользовались бешеной популярностью. Аудитории вечно забивались до отказа, даже те, кто не успел записаться на курс, приходили просто послушать. Прогулов на его занятиях практически не случалось, поэтому он никогда не тратил время на переключку. Но сегодня ситуация изменилась.

Линь Юй сердито подумал:

«Мне во что бы то ни стало нужно узнать имя этого настырного мальчишки»

И потому учитель Линь впервые в своей практике открыл журнал.

Огласив весь список до последнего имени, Линь Юй так и не услышал заветного «я» от первой парты. Значит, этот малый тоже из вольных слушателей. Преподаватель почувствовал глухую досаду. Мысленно чертыхнувшись, он подавил раздражение и начал лекцию.

Е Минчэнь продолжал с интересом за ним наблюдать. Заметив, как сник Линь Юй после переключки, парень заулыбался ещё шире и лукаво прищурился.

Едва прозвенел звонок, Линь Юй привычным отточенным движением положил мел, собрал конспекты и направился к выходу.

Е Минчэнь пулей сгреб тетради в рюкзак и бросился вдогонку.

— Учитель Линь, подождите, пожалуйста! — окликнул он его в коридоре.

Линь Юй замер и не спеша обернулся. Напустив на себя максимально строгий и академичный вид, он беспристрастно спросил:

— Возникли вопросы по сегодняшней теме?

— Вовсе нет, — Е Минчэнь мягко улыбнулся и покачал головой. — Вы прекрасно объясняете, мне всё абсолютно понятно.

— Тогда в чём дело? — Линь Юй вопросительно приподнял бровь.

— Меня зовут Е Минчэнь. «Е» — как зелёный лист, «Мин» — ясный, «Чэнь» — раннее утро. Запомните меня, учитель Линь, — с этими словами юноша скользнул мимо него, обдав лёгким

шлейфом беззаботности.

Его чистый, по-юношески звонкий голос прозвучал под сводами старого учебного корпуса так тепло и живо, что Линь Юй на секунду опешил, глядя ему вслед.

Шэнь Цзюньчи уверенно вёл массивный «Гранд Чероки», принадлежащий Е Миньюю. Припарковав внедорожник на обочине Дороги Сяншань, он бросил быстрый взгляд на своего вечно угрюмого спутника. Ждать пришлось недолго: вскоре из-за поворота грациозной походкой вышла старшая тётушка семейства Е, облачённая в изысканное белое ципао с нежным сине-голубым цветочным узором.

Е Миньюй даже не подумал пошевелиться. Он сидел на переднем пассажирском сиденье с важным видом заправского барина и молча пускал клубы дыма, зажав в зубах сигарету. Шэнь Цзюньчи лишь мысленно вздохнул. Выйдя из салона, он с безупречной, вежливой улыбкой распахнул заднюю дверцу перед дамой, приглашая её присесть.

— Сколько раз говорить, эта колымага уродлива до неприличия, — вместо приветствия проворчала госпожа Е, едва устроившись на заднем сиденье. — Столько лет прошло, а ты всё её не сменишь.

Е Миньюй промолчал, продолжая затягиваться. Шэнь Цзюньчи пришлось мягко сгладить неловкость:

— Шеф у нас человек консервативный. Привыкает к вещам, расставаться не любит.

Госпожа Е за всю дорогу ни разу не удостоила Шэнь Цзюньчи прямым взглядом, приняв его за обычного шофёра. Видя, что сын упорно её игнорирует, она раздражённо хмыкнула:

— Потуши эту гадость.

Е Миньюй даже пальцем не повёл, но Шэнь Цзюньчи уже предупредительно выдвинул встроенную пепельницу на приборной панели.

Только после этого Е Миньюй нехотя взглянул на помощника и затушил окурок. Заметив это безмолвное взаимопонимание, госпожа Е наконец окинула Шэнь Цзюньчи оценивающим взглядом и едва заметно нахмурилась.

— Куда едем? — коротко, без лишних предисловий спросил Е Миньюй.

— В «Павильон Гибискуса», — ответила мать.

Машина под управлением Шэнь Цзюньчи плавно тронулась с места.

У дверей Павильона Гибискуса Шэнь Цзюньчи привычно засуетился: выскочил из-за руля, помог выйти госпоже Е, затем обошёл внедорожник, чтобы распахнуть дверцу перед боссом. Он уже собирался отогнать машину на стоянку, но Е Миньюй бесцеремонно забрал у него ключи, швырнул их подбежавшему парковщику и, подхватив мать под руку, повёл её ко входу. Ему ничего не оставалось, кроме как последовать за ними.

Столик в отдельном кабинете был забронирован заранее. Е Миньюй уселся на стул с совершенно каменным лицом, демонстрируя полное нежелание участвовать в беседе.

Официант, робко зашедший с меню, замялся. Стоило ему попытаться положить папку перед Е Миньюем, как тот смерил бедолагу таким ледяным взглядом, что парень вздрогнул и испуганно отдёргнул руку.

Госпожа Е, даже не открывая буклет, перечислила несколько своих любимых закусок и прохладно бросила сыну:

— Я заказала на свой вкус. Если сам ничего не выберешь, останешься голодным.

Е Миньюй продолжал играть в молчанку. Спасая положение, Шэнь Цзюньчи аккуратно перехватил инициативу: взял меню, выбрал несколько фирменных блюд ресторана и вернул папку официанту.

Вскоре портье вернул ключи от машины. На столе начали появляться первые ароматные закуски и чай. В этот момент дверь кабинета отворилась, и вошли две дамы. Одна была ровесницей госпожи Е, а вторая — совсем молодая девушка лет двадцати пяти, миловидная, с мягкими, благородными манерами.

При виде незваной гостьи Е Миньюй недовольно нахмурился, но сдержался и промолчал.

Зато госпожа Е так и расцвела. Она порывисто поднялась навстречу вошедшим и, увлекая старшую гостью к столу, защебетала:

— Сестра Юй! Ну наконец-то. Я тут уже сделала предварительный заказ, посмотри, дорогая, чего бы тебе ещё хотелось.

— Да вот, застряли из-за моей упрямцы, — добродушно пожаловалась та. — Втемяшилось ей в голову домашний бульон приготовить, вот и ждали, пока он на медленном огне дойдёт.

— Ах, неужели это Сяофэй? — госпожа Е с наигранным удивлением «заметила» девушку и ласково сжала её ладонь, разглядывая гостью. — Какая же красавица выросла!

— Здравствуйте, тётушка, — скромно поздоровалась Ли Сяофэй.

— Минъюй, познакомься, это твоя тётя Юй, супруга декана Ли. Чего молчишь как неродной? Поприветствуй гостью, — госпожа Е чувствительно пнула сына под столом, испепеляя его сердитым взглядом.

Е Минъюй лишь сдержанно кивнул, не проронив ни слова. Он покосился на сидящего рядом Шэнь Цзюньчи — тот, как ни в чём не бывало, продолжал мягко улыбаться. От этой безмятежности на душе у Е Минъюя стало как-то странно: то ли отлегло, то ли, наоборот, шевельнулось глухое разочарование.

Тем временем госпожа Е демонстративно пригубила принесённый бульон, рассыпалась в комплиментах кулинарным талантам девушки и принялась издалека выведывать, занято ли её сердце.

Шэнь Цзюньчи безупречно держал марку: улыбался, когда нужно, и молчал, разыгрывая роль преданного помощника и элемента интерьера. Зато Е Минъюй выглядел мрачнее тучи. Он окончательно понял, что семейные посиделки за чаем оказались банальным, шитым белыми нитками сватовством.

Когда светская беседа между дамами достигла апогея, госпожа Ли заговорщически подмигнула подруге и предложила «пройтись по магазинам», оставив молодёжь «поболтать наедине». Шэнь Цзюньчи тут же проявил чудеса «тактичности». С вежливой полуулыбкой он поднялся из-за стола и мягко выговорил:

— В таком случае разрешите мне составить вам компанию и отвезти вас, куда пожелаете.

У Е Минъюя окончательно сорвало резьбу. Плевав на приличия и чувства почтенных матрон, он мёртвой хваткой вцепился в предплечье Шэнь Цзюньчи и буквально выволок его из кабинета, с грохотом захлопнув дверь. Сбежав по лестнице, он швырнул ключи вздрогнувшему парковщику и сквозь зубы процедил:

— Машину. Быстро.

Паренёк пулей метнулся выполнять приказ. Е Минъюй замер у дверей Павильона Гибискуса, выудил из кармана пачку сигарет и попытался прикурить. Кремень дорогой зажигалки упрямо не давал искры. В ярости он швырнул её на асфальт и грязно выругался:

— Блядь!

Шэнь Цзюньчи спокойно наклонился, поднял коллекционный «Зиппо», щёлкнул крышкой и, высек ровный язычок пламени, поднёс его к лицу Е Минъюя.

— К чему эти сцены? Вы же выставили мать в крайне неловком свете перед подругой.

Е Миньюй зло выплюнул едва загоревшуюся сигарету, рванул Шэнь Цзюньчи на себя и грубо, собственнически впился в его губы поцелуем.

В этот момент парковщик как раз подогнал внедорожник. Увидев развернувшуюся перед входом картину, он так и замер на месте с ключами в дрожащих руках, не решаясь подойти ближе.

Когда Е Миньюй наконец неохотно отпустил его, Шэнь Цзюньчи густо покраснел. Дыхание сбилось, стало горячим и частым. Привычная маска любезности слетела с его лица, но во взгляде читалась глубокая, затаённая ирония.

Бедный портье торопливо вложил ключи в ладонь Шэнь Цзюньчи и испарился в дверях Павильона Гибискуса со скоростью олимпийского чемпиона по спринту.

Случайные прохожие начали удивлённо оглядываться. Стоило Е Миньюю смерить толпу тяжёлым, свирепым взглядом, как зеваки поспешно попятились и дружно уставились в небо, делая вид, что их безумно заинтересовали пролетающие облака.

— Садись в машину, — тихо попросил Шэнь Цзюньчи, слегка подтолкнув разгорячённого мужчину к пассажирскому сиденью.

Е Миньюй не сдвинулся с места. Вперив в него требовательный взгляд, он процедил:

— Ты хоть капли ревности сейчас испытал? Или тебе вообще плевать?

— Нет, — ровно ответил Шэнь Цзюньчи.

— Почему?! — Вместо облегчения этот ответ лишь подлил масла в огонь. Е Миньюй опасно сощурился, багровея от злости.

Шэнь Цзюньчи вздохнул и развёл руками:

— Ну хорошо. Я безумно зол.

— Это вообще-то не моя вина, с чего тебе злиться? — тут же пошёл на попятную тот.

Шэнь Цзюньчи едва сдержал улыбку:

— Так ты определись: мне нужно злиться или нет?

Е Миньюй завис, не зная, что возразить. Нерастроченная ярость клокотала в груди, превращая его в готовую рвануть бочку с порохом.

— Прекратите этот балаган. Сядьте в машину и там выясняйте отношения, если вам мало позора, — прервал их холодный голос госпожи Е. Никто и не заметил, как она вышла на крыльцо Павильона Гибискуса.

Е Миньюй даже не повернулся к матери. Развернувшись, он размашистым шагом направился к внедорожнику и хлопнул дверью.

Шэнь Цзюньчи сокрушённо вздохнул и предупредительно открыл заднюю дверь:

— Прошу вас, присаживайтесь.

Госпожа Е грациозно оперлась на предложенную руку, устроилась на кожаном сиденье и негромко, с неожиданной мягкостью произнесла:

— Шэнь Цзюньчи, до «мамы» мы, положим, ещё не дожили, но называть меня «госпожой» совершенно ни к чему. Зови меня просто тётушкой. К чему эта ненужная дистанция?

Тот на секунду замешкался, а затем послушно кивнул:

— Хорошо, тётушка.

— Сначала устраиваешь этот дешёвый цирк со зрителями, а теперь заигрываешь с Цзюньчи, — проворчал с переднего сиденья Е Миньюй.

— Как ты разговариваешь с матерью? — госпожа Е возмущённо вскинула брови. — Думаешь, это я тебе невесту соватала? Спешу разочаровать: я сама была не в курсе планов Ли. Если бы я знала, что она притащит дочь, чтобы свести её с тобой, ноги бы твоей здесь не было. Сяофэй — прекрасная, воспитанная девочка. Ты её и мизинца не стоишь.

Е Миньюй промолчал, продолжая буравить взглядом лобовое стекло. Атмосфера в салоне мгновенно сгустилась, став невыносимо тяжёлой.

Шэнь Цзюньчи мысленно покачал головой.

«Связываясь с Е Миньюем, нужно было сразу запастись железным терпением и выдержкой тибетского монаха...»

Слегка помассировав переносицу, он посмотрел в зеркало заднего вида и вежливо спросил:

— Тётушка, у вас есть ещё дела в городе? Могу отвезти вас, куда нужно.

— Какое там «куда нужно», этот негодяй мне всю кровь свернул. Вези меня домой, — вздохнула женщина.

Шэнь Цзюньчи послушно развернул «Гранд Чероки» в сторону Дороги Сяншань.

Высадив госпожу Е, они вернулись к бару. Е Миньюй по-прежнему безмолвно испускал флюиды ярости. Не успел внедорожник замереть на парковке, как он выволок Шэнь Цзюньчи из салона, потащил в жилые комнаты за баром и, ввалившись в спальню, грубо швырнул его на постель, накрывая своим телом.

Когда ткань с треском порвалась, Шэнь Цзюньчи мысленно вздохнул.

«И откуда в нём столько ярости? В постели этот айсберг полыхает так, что готов превратить в пепел всё вокруг...»

— Хватит сдерживаться. Я хочу видеть, как ты сойдёшь с ума, — властно приказал Е Миньюй, заметив, как партнёр закусил губу.

Ради этого человека Е Миньюй растоптал собственное хладнокровие, так почему же Шэнь Цзюньчи смеет отвечать на чужие притязания с таким безразличием? Ему хотелось сломать эту вечную маску благопристойности, стереть с его губ снисходительную полуулыбку, заставить умолять о пощаде, полностью подчинив своей яростной ласке.

— Миньюй... — Шэнь Цзюньчи забыл про субординацию. В его хриловатом шёпоте явственно зазвучало сладкое томление. — Не я тебя разозлил... Не надо отыгрываться на мне.

Отыгрываться? Да, именно так. Е Миньюй жаждал сломить его, заставить сдаться без боя. Внешней покорности ему было мало: пока не доведёшь этого упряма до грани, он ни за что не сбросит свои ментальные щиты.

Когда первая волна бури улеглась, Е Миньюй крепко, почти бережно прижал любовника к себе. Однако передышка оказалась недолгой — его ладони вновь начали требовательно скользить по разгорячённой коже.

Шэнь Цзюньчи слабо упёрся ладонями в его грудь:

— Я веду твои дела, улаживаю конфликты, держу в узде подчинённых и ублажаю твою родню. Пощади меня хотя бы в постели, дай перевести дух.

— Можешь забить на всё остальное, — Е Миньюй неторопливо покрывал поцелуями его

влажное плечо, оглаживая мускулистую спину. — Твоя единственная забота — ублажать меня. Особенно здесь.

— Выходит, я у тебя просто грелка? — Шэнь Цзюньчи приоткрыл глаза, в которых снова заплясали весёлые искорки.

— Нет. Ты для того, чтобы тебя любить, — буркнул Е Минъюй. Его тон оставался сухим, а лицо — непроницаемым, в этих словах не было ни грамма привычной романтики, но на этот раз Шэнь Цзюньчи возражать не стал.

Едва защёлкнулся замок, как у Гу Цзицина предательски защипало в глазах. Первое, полузапретное чувство, зародившееся ещё в юности между лучшими друзьями... разве можно вычеркнуть такое из сердца?

Гу Цзицин мог бы простить Цяо Иню любые грехи и слабости, кроме одного. Предательства.

Стоило Цзицину уехать учиться за границу, как этот мерзавец тут же завёл интрижку на стороне. Сначала звонки становились всё реже, а потом пропали вовсе на долгие полгода. Цзицин вкалывал на трёх работах одновременно, засыпая на ходу, лишь бы накопить на билет домой. А когда прилетел, чтобы сделать сюрприз... застал любимого в постели с другим парнем. И вместо извинений и раскаяния услышал лишь равнодушное: «Нам надо расстаться». Этот удар едва не свёл его с ума.

Раз уж они тогда сожгли все мосты, то зачем теперь пытаться склеить осколки?

Цзицин покачал головой, силясь прогнать нахлынувшие воспоминания. Внезапно тишину квартиры разорвала весёлая трель мобильного. Он нажал на кнопку приёма, и из динамика тут же обрушился шквал такого яростного крика, что ухо мгновенно онемело:

— Гу Цзицин, паршивец ты эгоистичный! Вернулся в страну и даже не соизволил навестить старого учителя! Я только из твоего личного дела узнал, что ты уже в штате! Живо дуй ко мне в кабинет, не то отправлю мыть пробирки до конца твоих дней!

Гу Цзицин тепло улыбнулся.

«Старик Ян верен себе. Орёт так, что уши закладывает — значит, здоровье в полном порядке»

Профессор Ян числился его научным руководителем, а теперь, когда Цзицин устроился преподавать в Университет S, на правах замдекана Института микробиологии стал ещё и непосредственным начальником. Против такого авторитета не попрёшь ни по работе, ни по старой дружбе. Спрятав поглубже душевную боль, разбережённую встречей с Цяо Инем, он

привёл себя в порядок и поехал сдаваться руководству.

Когда он добрался до кафедры, старик Ян как раз закончил лекцию. Выйдя из аудитории, профессор первым делом обрушил увесистую стопку методичек на голову бывшего студента. Цзицин даже не попытался увернуться: безропотно съёс шутивную экзекуцию, забрал у профессора тяжёлый портфель и виновато заулыбался:

— Профессор, не кипятитесь, поберегите нервы. Здоровье-то не казённое.

— Здоровье?! — Ян фыркнул и чувствительно крутанул ухо Цзицина. — А ты вообще помнишь, что у тебя учитель есть, шельма?

— Учитель, вы для меня всегда на первом месте, вы же знаете, — заискивающе зачастил Цзицин, соорудив самую преданную физиономию.

Профессор сменил гнев на милость, шуточно отмахнулся и своей характерной, чуть переваливающейся походкой повёл Цзицина в сторону лабораторного корпуса.

В лаборатории Ян созвал своих подопечных. Под его началом сейчас работали двое докторантов: Му Фэйфань и Сюй Фэн, оба — выпускники Университета S, которые прекрасно знали Цзицина ещё по студенческим годам. Младшие аспиранты тоже не раз слышали об успехах молодого гения, поэтому при виде легенды кафедры заметно воодушевились.

— Фэйфань, введи Цзицина в курс дела по твоему проекту, скинь ему все вводные, — с ходу начал раздавать указания профессор, так и лучась энергией. — Тинтин, тот безнадёжный эксперимент, на котором ты застряла, тоже передай ему. А ты, Цзян Му, временно поступаешь в распоряжение Цзицина, будешь у него на подхвате. Если у кого-то возникнут трудности — бегом к старшему брату, он разберётся.

Гу Цзицин так и покатился со смеху:

— Профессор, пощадите! Я теперь ваш коллега, а не бесправный аспирант. Хватит эксплуатировать меня как дешёвую рабсилу!

— Ишь какой шустрый! — Ян грозно вытаращился на него. — А кто мне минуту назад заливал про «учителя на всю жизнь», а?

Цзицину оставалось лишь сокрушённо развести руками. Он повернулся к притихшим ребятам и вежливо кивнул:

— Ладно, шутки в сторону. Я только вернулся из-за границы, так что рассчитываю на вашу поддержку и помощь.

Он медленно оглядел притихшую аудиторию и заметил Цзян Му. На губах Цзицина заиграла весьма красноречивая улыбка.

Цзян Му едва слышно процедил сквозь зубы:

— Вот уж воистину — земля круглая!

<http://bllate.org/book/20530/2119782>